

Ад опустел — и демоны все здесь.

Уильям Шекспир, «Буря»

Пролог

Кингфишер

Волк умел приспосабливаться.
Адаптироваться.

В стае он становился частью чего-то большего. У него появлялись роль и место в общем порядке вещей.

Принадлежность к стае давала ощущение безопасности.

Но волк мог выжить и в одиночку.

В мертвой тишине полуночного леса, со всех сторон окруженный хищниками, волк скользил между деревьями, словно тень. Он скрывался в темноте, выслеживая добычу.

Он мог выжидать и наносить ответный удар, если враги нападали.

Особенно когда его рука сжимала меч бога.

Я был готов к появлению вампира. Он преследовал меня, словно призрак, в гулких залах Аммонтрайета с тех пор, как я покинул комнату Саэрис. Я чувствовал его где-то там, еле сдерживающегося, выжидающего.

Чтобы понимать живых, не требовалось большого мастерства. Находились те, кто веками оттачивал способность контролировать свои чувства. Для фей было важно держать мысли и эмоции при себе. Но, невзирая на этот навык, тело в конце концов всегда их выдавало. Это было неизбежно.

Эмоции окрашивали кровь.

Счастье.

Гнев.

Печаль.

Похоть.

Каждая эмоция излучала свою собственную энергию. Вибрацию, можно сказать. В равной степени каждая обладала собственным запахом. Фей выдавали тончайшие признаки их

настроения независимо от того, насколько хорошо они умели контролировать разум и тело.

Запахи, исходящие от людей, порой были ошеломляющими.

Люди *не умели* укрощать свои чувства. Они переживали все неистово, открыто, не осознавая, как их реакции могут повлиять на обладателей обостренного восприятия.

С мертвыми дело обстояло иначе. Без бьющегося сердца кровь становилась безэмоциональной черной жижей в их венах. Подданный санасротского двора издавал запах только после кормления, когда искра жизни, теплившаяся в крови его жертвы, все еще отзывалась эмоциями, которые та испытывала, умирая. Запах мертвых был словно легкий аромат духов, который остается после объятий.

Час назад моя голова была наполнена ароматом петрико-ра*, когда я сидел рядом со своей парой и слушал ее мелодичный голос, а она закидывала Тала вопросами о Кровавом дворе. После своего пробуждения она была неумолима, пытаясь понять произошедшее и подготовиться к тому, что должно было произойти. Мы обсудили план действий, Саэрис знала, какую роль она должна сыграть в его осуществлении... но она нервничала. Учитывая, что всего несколько дней назад она была человеком, ей уже гораздо лучше удавалось контролировать свои чувства, но мое обоняние было острее, чем у большинства. Я ощущал ее нерешительность. Она пахла горячим камнем после дождя.

Я вдыхал ее, тонул в ней, когда почувствовал *другой* запах.

Вампир, должно быть, выпил огромное количество крови, прежде чем притаиться в темноте у дверей в комнату Саэрис.

Я извинился, вышел в коридор и отправился на поиски гнили.

Спустившись на два этажа вниз, в самое чрево Черного дворца, я нашел его острием своего клинка.

Вампир был прекрасен. При жизни его лицо могло бы показаться обычным, кожа со временем потускнела бы и обвисла. Но смерть сохранила его. Он выглядел идеально. Высокие скулы. Королевский орлиный нос. Когда-то его глаза, скорее всего, были голубыми, но теперь они сверкали, как призрачные опалы. Он оскалился, обнажив клыки, выбелен-

* Запах сырой земли после дождя. (Здесь и далее, если не сказано иного, примеч. пер.)

ные, как кость, и чертовски острые. Его губы сложились в удивленное «О» прежде, чем он успел издать хоть звук. Вампир ошеломленно посмотрел вниз и увидел Нимерель, погруженную в его грудь по самую рукоять.

— Ты... испортил бархат, — прохрипел он.

Это было правдой: лезвие божественного меча проделало в черном бархатном жилете дыру длиной в три дюйма. Я виновато пожал плечами.

— Печальный побочный эффект убийства, — вздохнул я. — Одежда противника частенько не переживает процесс. Сам знаешь, не так ли?

На его рубашке расцвел цветок смерти, черный, словно чернила. У ублюдка хватило наглости посмотреть на меня с оскорбленным видом.

— Да, я... знаком с этой проблемой, — прохрипел он.

— Больше тебе не придется о ней беспокоиться, — сказал я.

Я понял еще до его стремительного появления из тени, что он не собирается драться. Все обитатели Черного дворца сейчас спали, и он тоже не должен был бодрствовать. Этот вампир в своем роскошном наряде, напившись невинной крови, пришел за тем, чего он не заслуживал. За тем, что мог дать ему только я.

Он пытался удержать равновесие, ухватившись за меня, но его руки уже превращались в пепел. Когда он заговорил, слова звучали сухо, как ветер пустыни.

— Прости. Я просто не мог... найти выход...

Солнце?

Огонь?

Раздобыть огонь в этом месте было непростой задачей. Вампир вспыхнул бы, как куча сухого хвороста, стоило ему коснуться пламени. Но в Аммонтрайте каминны горели *эвен-лайтом*. Факелы на стенах — тоже. Этот жалкий ублюдок, наверное, не смог бы найти здесь спички. И потом, кто станет желать такой смерти? Это был нелегкий способ уйти. Такой болезненный. Такой драматичный.

Уж лучше пепел.

Я проявил милосердие.

— Ты спас меня от того, во что... я... превратился, — прохрипел вампир. В его глазах была благодарность. Облегчение.

Я наклонился к нему, чтобы убедиться, что он услышит каждое слово, высыхая и проваливаясь в небытие.

— Я делаю это не для тебя. Я делаю это для тех, кем ты пировал. Наслаждайся адом, клещ.

Надежда на спасение, которую он надеялся обрести с моей помощью, покинула его взгляд.

— Они собираются... *уничтожить* ее, понимаешь? Это уже... заметно. Этот двор... падет... с ней. — Его губы искривились — то ли в улыбке облегчения, то ли в презрительной усмешке — я так и не смог понять.

— Саэрис в безопасности, — отрезал я. — Я не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Но вампир только рассмеялся. Хриплым, лающим смехом. Его подбородок превратился в пепел. Затем щеки. Голос ломался и хрипел, когда рассыпалось горло. А когда его клыки отделились от черепа и выпали изо рта, он уже не смеялся.

Вампир рухнул, окончив свое существование. Его зубы ударились о пол — *кляц, кляц* — и отскочили в сторону, вниз по лестнице, ведущей дальше в чрево Аммонтрайета.

Кляц...

Кляц...

Кляц...

Черный дворец был огромен. Я уже сбился со счета, сколько высокородных я уничтожил с тех пор, как оказался здесь. Поначалу в каждом темном обсидиановом коридоре меня поджидала по меньшей мере пара детей Малкольма, привлеченных жаром моей крови. Однако вскоре члены Кровавого двора поняли, что им не по зубам ни меч бога, ни воин, владеющий им. Сейчас они спали, но скоро проснутся. И тогда они *спрячутся*, если дорожат своей шкурой.

— А-а-а! Вот... ты где!

Рыжеволосый стоял у подножия лестницы и тяжело дышал. Он посмотрел вниз, выгнув бровь при виде зубов, оставившихся у его ног, но никак это не прокомментировал. Он поднял взгляд на меня.

— Ты должен... пойти со мной. Немедленно.

— Тебе не стоит выходить из своей комнаты, Кэррион.

Звуки здесь распространялись странно. Воздух казался густым. Он неслышно гудел, вибрируя на коже. Мои слова прозвучали приглушенно, но достигли ушей контрабандиста.

Он раздраженно вздохнул и побежал вверх по ступенькам, но я уже направился прочь, возвращаясь тем же путем, что и пришел.

— Я бы... с удовольствием заперся сейчас в своей комнате, но... опускаются сумерки. Дворец просыпается.

— Вот именно.

— Может, ты все-таки остановишься? Послушай! Я только что выглянул из... моего окна и... увидел кое-что...

— Это называется закат, Свифт. Если ты хочешь жить и увидеть еще парочку, я в любой момент могу проводить тебя обратно в Калиш. Там ты сможешь любоваться и восходом, и закатом. — Я не терял надежды избавиться от него. И неоднократно предлагал отправить контрабандиста подальше от Аммонтрайета — и от Иррина тоже, — но тот продолжал упорствовать.

— Заманчивое предложение, но у меня все в порядке, спасибо. — Кэррион преодолел лестницу, чтобы догнать меня, и теперь не отставал ни на шаг.

— Осмелюсь еще раз спросить: почему ты вьешься вокруг Аммонтрайета, словно дурной запах? — буркнул я. — Это место — суший кошмар.

— О да, но у меня, знаешь ли, свои причины, — рассеянно ответил Кэррион.

И у него *могли* быть свои причины, пока ни одна из них не являлась надеждой на то, что Саэрис признается ему в вечной любви. Этого не произойдет.

— Фишер, живые боги! Да притормози ты, черт возьми! Это очень важно!

Я мученически вздохнул и повернулся к нему лицом.

— Это действительно важно, или ты просто так *думаешь*?

Кэррион считал множество нелепых вещей имеющими значение, хотя на самом деле это было не так.

Его брови взлетели, он хмуро поглядел на меня.

— Не знаю. Ты считаешь счастье своей пары важным?

Я пристально посмотрел на него.

— Говори. Немедленно.

Он покачал головой.

— Нам нужно найти... окно.

Когда солнечный свет мог убить, окно становилось смертным приговором, поэтому здесь их было не так-то просто найти. Мы обнаружили одно на следующем этаже — всего

фут в ширину и в высоту, стекло было закопченным, чтобы не пропускать солнечные лучи.

Обзор, открывавшийся из него, вполне мог оказаться недостаточным, чтобы разглядеть источник беспокойства Свифта, но, к счастью, это оказалось не так. Я окинул взглядом узкую полосу горизонта, рассматривая выжженную землю между Аммонтрайетом и рекой, и не нашел...
О боги.

— Сначала я подумал, что это клочок снега, — сказал Свифт.

Мое сердце замерло.

— Потом я увидел, что он движется. Бежит. Быстро, — выдохнул Кэррион.

Я сорвался с места, промчался мимо Кэрриона и полетел вниз по лестнице. Контрабандист последовал моему примеру.

— Я нашел тебя сразу же, как только смог! Я не знал, сказать ей или...

— Просто заткнись и беги!

— Что... что ты делаешь? — задыхался он.

— Что, по-твоему, я делаю? Бегу спасать этого гребаного лиса!

Я оставил его в Калише.

Не в Иррине.

В Калише. *На другой стороне горной гряды.*

Омнамерринский горный хребет с крутыми, практически неприступными склонами был одним из самых коварных и смертельно опасных во всей Ивелии. Я знал лишь горстку воинов, которым удалось перебраться через его зазубренные вершины и выжить, чтобы рассказать об этом. Оникс родился среди снега и льда, но даже он не должен был пережить переход через гряду. Там сходили лавины. Они бы хоронили его, снова, снова и снова. Ему пришлось бы выбираться из-под снежных завалов. Там не было ни еды, ни укрытий от пронизывающего ветра.

Он покинул безопасный Калиш. *Ради нее.*

Он покорил гору. *Ради нее.*

Он прошмыгнул через Иррин и пересек реку. *Ради нее.*

А теперь по мертвым полям Санасрота за ним гналась орда вампиров. Он, должно быть, устал и готов был сдаться, но все равно продолжал бежать. *К ней.*

И я не собирался позволять этому маленькому лисенку умереть.

Я промчался через дворец и спустился вниз, через Когс — многоуровневое поселение, выросшее вокруг дворца за долгие годы. Мощные улицы пока были пусты, но это продлится недолго.

Билл.

Я должен был добраться до *Билла*.

Лошади ненавидели Аммонтрайет. Мы не могли разместить их в конюшнях. Высокородные держали там свой мертвый скот, и голодный вампир мог голыми руками снести стену, чтобы добраться до теплой лошадиной плоти. Билла, Аиду и еще двух гнедых кобыл поместили во флигеле в пятистах футах от главного двора, сразу за высокой стеной, ограждавшей самый нижний уровень Когса. Я едва не сорвал с петель металлическую дверь, чтобы добраться до своего коня.

Я не стал возиться с удилами или уздечкой. Вскочил на спину Билла и ударил пятками. Моему верному другу не нужно было повторять дважды. Кэррион еще не успел пересечь двор, когда мы вылетели из стойла в открытые двери.

— Возвращайся обратно! — прорычал я.

— Нет!

— Боги и чертовы грешники! — Я выругался на древнем языке, проносясь мимо него, и протянул правую руку. Идиот схватил меня за предплечье и запрыгнул на спину Билла позади меня.

— Не хочешь спросить, где я этому научился? — крикнул контрабандист.

— Нет, — огрызнулся я.

— Лоррет показал мне!

Если он жаждет поздравлений, ему придется подождать. Между нами и лисом простиралась миля пепла глубиной по щиколотку и рыхлого сланца. Обычно лошадям приходилось осторожно выбирать путь по предательски мягкой мертвой земле, но сейчас на это не было времени. Билл фыркнул и, даже не вздрогнув, рванулся навстречу вампирам.

— Вот так. Вперед, — прошептал я себе под нос. — Спасибо. *Спасибо.*

Не следовало брать с собой Кэрриона. Вампиров, бегущих за лисом, было больше, чем мне показалось сначала. Двадцать? Тридцать? Больше, чем я мог одолеть без доступа к магии на этой стороне Дарна, и парень был контрабандистом, а не опытным воином. Однако солнце уже скрылось за горизонтом. И если свет стал достаточно тусклым для появления вампиров, то до пробуждения высокородных Санасрота оставалось не так много времени. Без сопровождения во дворце этот придурак погиб бы в считанные секунды...

Мы приближались.

Но и вампиры тоже.

Они всегда были голодны, и, наверное, уже целую вечность ни одно живое существо не осмеливалось ступить на санасротские земли. Безмозглые пехотинцы орды ни за что не упустили бы такую возможность.

Теперь я мог разглядеть Оникса как следует.

Его уши с черными кончиками были прижаты к голове, пока он несея, спасая свою жизнь. Оттолкнувшись от камня, лис взмыл в воздух — белая вспышка на фоне сгущающейся темноты, — а затем его лапы снова оказались на твердой земле, вздымая за собой шлейф пепла.

— Давай, — процедил я сквозь зубы. — Давай. *Беги.*

Оставалось меньше мили. Расстояние между нами сокращалось... но и расстояние между вампирами и лисом — тоже. Я видел, что он устал. Язык вывалился у него из пасти и развевался, как знамя. Глаза сверкали белками. Лисенок был в ужасе.

Я и не заметил, что Кэррион вцепился в мои доспехи. Без седла ему больше не за что было держаться. Я едва не выругался от раздражения и наклонился вперед, чтобы подстегнуть Билла. Конь мчался все быстрее и быстрее, не сбавляя хода. Он ни разу не сбился с шага.

— Мы почти рядом! — выкрикнул Кэррион.

Я стиснул зубы так сильно, что у меня хрустнула челюсть.

— Держись!

Останавливаться было нельзя. Если мы остановимся, то умрем. Я вцепился в гриву Билла и взмолился ненавистным богам уже во второй раз меньше чем за неделю.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Пожалуйста...

Пасти вампиров покрылись белой пеной. Их бездумные завывания наполняли воздух, пока расстояние между нами становилось все меньше, меньше и меньше.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Теперь они были прямо над Ониксом. На волосок от него. Самый быстрый из них, мужчина в грязной рваной рубашке, рванулся вперед, пытаясь схватить добычу. Билл отпрянул, встал на дыбы и в ужасе заржал. Его копыта заскользили по вулканическому стеклу, когда он отчаянно пытался увернуться от приближающейся угрозы. Острые когти вампира коснулись меха маленького лисенка, и тот прыгнул...

Кэррион поймал его...

И в следующее мгновение скатился с крупа Билла.

Боги и гребанные мученики!

— На ноги, Свифт! — взревел я. Медноволосый принц крепко сжимал Оникса, пытаясь подняться. Он двигался быстро, но нужно было еще быстрее. Я развернул Билла мордой к вампирам и спрыгнул на землю.

— Спокойно, друг. Тпру. Подожди меня, — прошептал я. Затем выхватил Нимерель, шагнул вперед и начал убивать. Меч бога испускал черный дым, рассекая воздух. Там, где я взмахивал им, некротическая плоть и хрупкие кости распались, как мокрая бумага.

— Доставай оружие, Свифт! — крикнул я через плечо.

Кэррион не медлил. Он уже сжимал в руке Саймона, свой божественный меч.

Оникс выскользнул из его рук и теперь прятался между ногами Билла, что отнюдь не помогало коню успокоиться. Билл оставался на месте, топал копытами и фыркал, закатывая глаза, — он боялся, но исполнял мою команду. Основная волна вампиров стремительно приближалась.

— Руби им головы, — крикнул я. — Не облажайся, Кэррион!

— Ни за что! — Он встал рядом в боевую стойку, и меня пронзила вспышка удивления. Он держался уверенно. Почти. И когда на нас обрушились хищные вампиры, не умер мгновенно. *Потрясающе.*

Серебро и сталь фей рассекли воздух, разя ублюдков. Я принял на себя основной удар. Те несколько, что миновали меня и бросились на Кэрриона, тоже упали на землю. Большинство из них сохранили головы на плечах и все еще пытались сожрать контрабандиста, но, по крайней мере, он их уложил.

Позади нас испуганно взвизгивал Оникс...

Семь вампиров.

Восемь...

К трем убитым Кэррионом присоединился четвертый.

Между нами и следующей группой нападавших было со-рок футов. Я схватил Кэрриона за шиворот и толкнул назад, к Биллу. До сих пор нам везло, но это не продлится вечно. Я подхватил Оникса и запрыгнул на спину коня, подтягивая за собой Свифта.

Впереди возвышался Аммонтрайет — сжатый кулак с ко-стяшками-спилями, вспарывающими туман и устремленны-ми в небо. Не дворец, а *крепость*.

Я вцепился в гриву Билла, вознося последнюю молитву богам, и мы помчались как ветер.

Ад уже проснулся и скрежетал зубами, когда мы добрались до Когса. И высокородные, и низкородные выглядывали из-за обсидиановых стен, охранявших маленький город у подножия Аммонтрайета. В чудовищных глазах мертвецов отражались осуждение и голод, пока Билл нехотя возвращался во флигель. Хмурый Лоррет ждал нас там, скрестив руки на груди.

— Клянусь всеми богами! Ты выходишь из комнаты и говоришь, что скоро вернешься. А в следующий миг я вижу, как ты очертя голову скачешь по мертвым полям и броса-ешься на нежить!

Кэррион застонал, сползая с Билла.

— А *ты*? Ты что, совсем спятил?! — прошипел Лоррет. Он прищурился, глядя на контрабандиста, словно и впрямь мог *разглядеть*, какой он идиот.

— О, не обращай на меня внимания. Я всего лишь убил четырех вампиров и спас жизнь Фишеру... — Контрабандист говорил в своей обычной беспечной манере, но за бравадой скрывался неподдельный страх. Похоже, наша близкая встре-ча со смертью произвела на него должный эффект.

Я собирался убить его.

— В лучшем случае ты их изувечил, — огрызнулся я. — А в тот день, когда ты спасешь на поле боя *меня*, я надену платье и станцую чертову джигу.

Из-за того, что он поперся со мной, мы *оба* могли погибнуть. Он, черт возьми, упал. А если бы с ним что-то случилось?

Саэрис *разозлилась* бы на меня.

Но...

Оникс заскулил.

Он дрожал, свернувшись клубком у меня на груди, стеклянные черные глаза-бусинки все еще были полны ужаса. Шкурка лисенка была грязной. мех на задней правой лапе пропитался кровью. Когда я провел рукой по ране, он взвизгнул, явно испытывая боль.

У меня еще будет время наорать на Кэрриона Свифта.

— Пойдемте, — сказал я. — Лучше зайти внутрь, пока эти ублюдки не решили отхватить кусочек от одного из нас. — Я посмотрел на друга. — Удалось его найти? — тихо спросил я.

Лоррет сердито выдохнул, на его щеке заиграли желваки.

— Нет. Я обыскал все сверху донизу. Если Фоули здесь, то я не смог его обнаружить.

Черт. Нам нужен был Фоули. Я вздохнул, борясь с разочарованием.

— Ладно. Продолжай поиски. Я чувствую, еще рано сдаваться.

— Кто такой Фоули? — спросил Кэррион.

Лоррет открыл было рот, собираясь ответить, но заколебался, глядя на меня.

Даже если миру пришел бы конец, у Кэрриона Свифта не иссякли бы вопросы. Но на его месте, вероятно, я чувствовал бы то же самое.

Я кивнул и отвел взгляд, пока Лоррет объяснял.

— Когда-то он был нашим другом. И до сих пор им остается. Он один из нас. Мы потеряли его в битве при Аджуна.

Саэрис рассказала, что Лоррет спел балладу о Вратах Аджуна, о битве, которая там произошла, но ртуть присвоила песню в обмен на заново выкованный Авизиат, меч Лоррета. С тех пор Кэррион расспрашивал о Вратах Аджуна. Пока мы ждали пробуждения Саэрис после полуночного поцелуя,

Лоррет поведал контрабандисту о нашем подвиге. И рассказал о друге, которого мы потеряли из-за дракона. Но он не рассказал ему всей истории.

— Если вы потеряли его в битве при Аджуне, то как... — Кэррион нахмурился, понимание осенило его. — О. Вы *потеряли* его. Но он все еще жив. Здесь? — спросил он, глядя на острые, как бритва, стены Черного дворца, возвышавшегося над нами.

— Да, — кивнул Лоррет. Удивительно, как одно слово могло вместить столько напряжения. Воин прочистил горло. — Я разнесу это место, если понадобится, Фишер. Не волнуйся. Я все сделаю. Давай. Заходи внутрь. Саэрис храбрилась, когда я ее оставил, но на самом деле была в панике. Я вытру Билла и дам ему остыть. — Говоря это, он провел рукой вверх и вниз по мокрой от пота шее коня и похлопал его по холке. Я спешил, стараясь не сильно трясти Оникса.

Я приземлился мягко, но лис все равно взвизгнул. Я чувствовал его кости сквозь мех. Мое сердце замерло, когда я увидел, что его лапы потрескались и кровоточат.

— Тебе придется поддержать его, — сказал я Кэрриону, когда мы направились обратно в Когс.

— Что? Я не могу этого сделать. Я ему *не нравлюсь*.

Я выхватил Нимерель и повертел меч в руке, показывая Кэрриону.

— Хочешь вместо лиса понести это? — спросил я. — Тебе понадобятся оба меча, если *ты* хочешь проложить нам путь во дворец.

Контрабандист побледнел, оценивая оружие. В лучшем случае можно было заработать сильные ожоги, прикоснувшись к мечу бога, принадлежащему не тебе. В худшем — лишиться руки. Или жизни.

— Выбираю лиса, — сказал Свифт, настороженно глядя на Нимерель.

Возвращение в комнаты Саэрис заняло больше времени, чем мне хотелось бы. Двигаясь вперед, мы оставляли за собой след из зубов вампиров, клыки клацали и отскакивали от мощных улиц, а затем от полированных полов. К тому моменту, как мы оказались в безопасности за закрытыми дверьми комнат моей пары, я потерял счет убитым кровососам, одежда Кэрриона окрасилась черной кровью, а Оникс отключился от усталости.